

Научная статья

УДК [271.2+322](470+571)(09)+929

Для цитирования:

Бурляев И.Н. Феномен церковного парламентаризма в позднеимперской России: богословские основания и политическая практика епископа Евлогия (Георгиевского) // Труды Саратовской православной духовной семинарии. 2026. № 1(32). С. 198–215.

DOI: 10.56621/27825884_2026_32_198

Бурляев Илия Николаевич,

аспирант

Сретенской духовной академии,
Российская Федерация, 107031, г. Москва,
ул. Большая Лубянка, 19, стр. 3
inburlyaev@mail.ru
ORCID: 0009-0007-1927-3964

Феномен церковного парламентаризма в позднеимперской России: богословские основания и политическая практика епископа Евлогия (Георгиевского)

И.Н. БУРЛЯЕВ

Аннотация: В статье рассматривается феномен церковного парламентаризма в позднеимперской России на примере деятельности епископа Евлогия (Георгиевского) в составе III созыва Государственной Думы Российской империи. Определяются богословские основания его участия в парламентской жизни, раскрывается концепция «пастырского свидетельства» как формы присутствия Церкви в светских институтах. Показано, что владыка Евлогий рассматривал законодательную деятельность как продолжение пастырской миссии, направленной на утверждение нравственного начала в государственной политике. Анализ его речей и поступков позволяет выявить модель взаимодействия духовного и гражданского служения, основанную на идее соборной ответственности. Сделан вывод о том, что феномен церковного парламентаризма представляет собой богословски мотивированный опыт присутствия Церкви в публичной сфере, не разрушающий ее духовной автономии.

Ключевые слова: епископ Евлогий (Георгиевский), церковный парламентаризм, Государственная Дума, пастырское свидетельство, историческая теология, православие.

Появление в Государственной Думе Российской империи действующего православного архиерея стало событием, нарушившим привычную структуру соотношения Церкви и государства. Избрание епископа Евлогия (Георгиевского) от Холмского православного округа в III созыв (1907–1912 годы) не сводилось к единичному эпизоду избирательной истории: оно обозначило попытку Церкви осмыслить собственное присутствие в пространстве светской власти. Впервые религиозное свидетельство было перенесено в сферу парламентской риторики, где слово пастыря становилось элементом законодательного процесса, а защита веры — формой участия в управлении империей.

Это явление, обозначаемое понятием церковного парламентаризма, не имело в дореволюционной России догматического оформления. Оно возникло как результат сложного взаимодействия богословских и политических импульсов эпохи — с одной стороны, кризиса государственной идеологии и попыток найти нравственную опору власти, с другой — внутренней эволюции церковного сознания, стремившегося преодолеть изоляцию от общественной жизни.

Для понимания феномена церковного парламентаризма необходим анализ его богословских оснований. Именно в богословской плоскости формируется аргументация, позволяющая соединить принцип аскетического отречения с пастырской обязанностью действовать в мире. Епископ Евлогий исходил из того, что Церковь призвана не к политическому господству, а к нравственному свидетельству, которое возможно и в стенах парламента, если сохраняется внутренняя дисциплина духовного служения. Его позиция представляла собой попытку перевести традицию «соборной ответственности» в язык публичной политики, превратив думскую трибуну в продолжение пастырского амвона.

Историческое значение этой попытки определяется не масштабом конкретных инициатив, а тем символическим сдвигом, который она обозначила. Церковь впервые получила возможность говорить в пространстве, где ранее господствовал исключительно светский язык. Этот факт поставил вопрос о границах допустимого присутствия религиозного начала в структуре государственной власти и одновременно продемонстрировал, что духовная аргументация может сохранять действенность даже в рамках секулярного института.

Настоящая статья направлена на исследование богословских оснований и политической практики епископа Евлогия (Георгиевского)

как уникального проявления церковного парламентаризма в поздней имперской России.

Деятельность епископа Евлогия в Государственной Думе не может быть понята вне его внутреннего духовного пути. Становление богословской позиции, позволившей ему соединить пастырское служение с участием в государственном институте, происходило на протяжении десятилетий и включало опыт личного кризиса веры, академической рефлексии и монашеского обновления.

Ранний этап биографии будущего архиерея определялся принадлежностью к среде сельского духовенства, для которой вера была не отвлеченной доктриной, а формой повседневного бытия. Осознание несовпадения между духовным идеалом и социальной уязвимостью приходского священника породило в нем особый тип религиозной чувствительности — сочетание сострадания и внутренней требовательности. Этот опыт сделал невозможным восприятие Церкви как замкнутой системы. Уже в юности В.С. Георгиевский начал осмысливать пастырство как деятельное участие в судьбах людей, а не как ритуальную обязанность.

Кризис, пережитый им в годы семинарского обучения, придал этому чувству внутреннюю остроту. Разочарование в формализме духовной школы, отчуждение между догматическим знанием и живой верой подвигли его к поиску подлинного религиозного опыта. Перелом произошел в период учебы в Киевской духовной академии, когда соприкосновение с традицией святоотеческой мысли и знакомство с живым монашеством, особенно в Оптиной пустыни, привели к осознанию Церкви как соборного организма, в котором духовное и социальное измерения нераздельны.

Решение о монашеском постриге стало итогом этого процесса. Для епископа Евлогия монашество не означало бегства от мира. Он понимал его как внутреннее сосредоточение, необходимое для осознания масштаба ответственности перед людьми. Сам владыка Евлогий в автобиографии подчеркивал, что внутреннее обоснование его будущей деятельности в публичной сфере сформировалось именно в монашеском опыте: «Вступая в монашество, я понимал, что беру на себя крест не ухода, а ответственности <...> Мне не дано было заворничества — мне был дан народ»¹.

¹ Евлогий (Георгиевский), еп. Путь моей жизни. Париж, 1947. С. 67.

Принятие пострига совпало с формированием экклезиологической установки, согласно которой Церковь должна свидетельствовать о Христе не в абстрактных догматических формулах, а в самой ткани общественной жизни. Эта мысль станет осью его дальнейших рассуждений о допустимости участия духовенства в государственной деятельности.

В выступлениях и письмах владыки Евлогия конца 1900-х годов прослеживается характерное для него богословское смещение: от рассуждений о «власти» Церкви к понятию ее «присутствия» в мире. В отличие от консервативной церковной публицистики, склонной оправдывать пассивность духовенства ссылками на канонические ограничения, он исходил из идеи соборного долга. Постепенно эта позиция получает теоретическое выражение в концепции «пастырского свидетельства», поскольку присутствие архиерея в парламенте оправдано лишь тогда, когда оно подчинено цели защиты духовных оснований жизни.

Манифест 17 октября 1905 года², даровавший гражданам Российской империи основные политические свободы и учреждение Государственной Думы, стал вызовом для устоявшейся системы церковного самопонимания. Православная Церковь оказалась перед необходимостью сформировать позицию по вопросу, ранее ей неведомому: допустимо ли участие клириков, особенно архиереев, в деятельности светского представительного органа.

Оппоненты епископа Евлогия рассматривали политику как область, по самому своему устройству чуждую монашеству и несовместимую с теми духовными добродетелями, которые предполагает иноческое служение. Для значительной части церковной и академической среды участие архиерея в парламентской деятельности казалось не просто спорным новшеством, но нарушением внутренних законов православной аскетики, где молчание, нестяжание и уход от мирской суеты образуют фундамент духовной жизни. Политическая сфера, наоборот, ассоциировалась с публичностью, борьбой интересов, необходимостью компромисса и неизбежным соприкосновением с идеологическими конфликтами — всем тем, что в традиционном монашеском

² См.: Манифест об усовершенствовании государственного порядка от 17 октября 1905 г. // Полное собрание законов Российской империи. Т. XXV. № 26803. СПб., 1906. С. 210–211.

сознании воспринималось как препятствие для служения Богу. Такие аргументы высказывал архимандрит Антонин (Грановский), подчеркивавший, что «само явление трибуны несовместимо с духом молчания, смирения и иноческого уединения, присущего православному пастырю»³.

Критики подчеркивали, что сама природа политического процесса требует иной антропологии, чем та, на которой строится монашеский путь: если пастырь призван освобождаться от страстей, то депутат вынужден действовать в среде, где человеческие страсти — амбиции, соперничество, стремление к влиянию — являются частью структурной логики института. Аргумент оппонентов строился на убеждении, что включение архиерея в политическую борьбу ведет к неизбежной эрозии внутренней дисциплины и уводит его от того духовного трезвения, которое составляет сущность монашеского послушания. Даже те, кто не отвергал возможности участия духовенства в социальной жизни, утверждали, что парламентская практика по своей природе слишком далека от канонического идеала смиренной проповеди и епископского попечения о пастве, чтобы не нанести ущерба духовной собранности архиерея. Более решительно выступал архиепископ Сергей (Страгородский), будущий Патриарх, который, по воспоминаниям современников, считал участие в Думе допустимым лишь при условии сохранения полной пастырской автономии и отказа от партийной ангажированности⁴.

Епископ Евлогий не разрушал традиционную симфонию Церкви и государства, но придавал ей иную конфигурацию: не вертикаль зависимости, а горизонт взаимодействия, где духовная власть обращается к гражданской не приказом, а словом. Такой подход оказался особенно значим в позднеимперскую эпоху, когда государство стремилось сохранить легитимность, а Церковь искала новые формы свидетельства в обществе, охваченном модернизацией и социальным скепсисом⁵.

³ Антонин (Грановский), архим. Пастырь и парламент: к вопросу о допустимости участия духовенства в политике // Церковный вестник. 1906. № 7. С. 115–117.

⁴ См.: Сергей (Страгородский), архиеп. Слово и дело. Из духовного наследия. М.: Паломник, 1997. С. 144–147.

⁵ См.: Кашлюк В. Жизнь и богословское наследие епископа Михаила (Грибановского). Симферополь, 2020. С. 25.

Выборы в III созыв Государственной Думы весной 1907 года стали для Церкви испытанием ее способности присутствовать в публичной политике без утраты духовного авторитета. Избрание епископа Евлогия от Холмского православного округа превратило этот региональный эпизод в символический жест: пастырь, облаченный духовной властью, вступал в пространство, где до него действовали лишь представители светских интересов. Уже сам факт участия архиерея в парламенте означал выход Церкви из состояния наблюдателя в положение действующего участника государственного диалога.

Холмский округ представлял собой территорию, где национальные, конфессиональные и политические линии пересекались с особой напряженностью. После упразднения униатской церкви и усиления католического влияния именно здесь формировалась модель противостояния между православием и польским католицизмом. Для епископа Евлогия избрание в Думу имело не столько политический, сколько пастырский смысл: он воспринимал себя не как депутата, а как защитника православного населения, вынужденного существовать в среде постоянного конфессионального давления.

Парламентская деятельность епископа Евлогия отличалась от поведения типичных думских депутатов. Он не принадлежал ни к одной фракции, не участвовал в партийных соглашениях и избегал выраженной политической риторики. Такая позиция создает впечатление дистанции, однако именно она позволяла сохранить автономию церковного голоса в среде, где политическая логика подменяла нравственные критерии⁶.

Его участие в работе думских комиссий, рассматривавших вопросы образования, религиозной свободы, земельных споров и национальной политики, носило характер не политического лоббизма, а нравственного свидетельства, в котором он стремился сохранить духовный смысл каждого обсуждаемого вопроса. Для епископа Евлогия комиссия была не площадкой для отстаивания групповых интересов, а пространством, где решения должны соотноситься с представлением о человеческом достоинстве и церковной ответственности. Он рассматривал законодательную процедуру как продолжение пастырского

⁶ См.: Тимиряев Д.О. Политическая борьба в Российской империи на страницах отечественной консервативной и либеральной публицистики в конце XIX — начале XX вв. Польский вопрос. М., 2019. С. 45.

служения, переносимого в светскую среду: там, где другие депутаты видели технические и юридические детали, он усматривал вопросы духовного порядка, затрагивающие судьбу общин, устойчивость семьи и возможность воспроизводства религиозной традиции.

В дискуссиях об образовании владыка Евлогий последовательно подчеркивал, что школа не может сводиться к инструменту административного влияния государства, поскольку она формирует нравственную структуру человека. Его позиция исходила из убеждения, что без религиозного основания система обучения неизбежно утратит воспитательный характер. Участие в обсуждении вопросов религиозной свободы также опиралось на богословскую аргументацию: для него свобода веры была не политической привилегией, а условием внутренней целостности личности и общины. В комиссии по земельным вопросам он защищал права приходов и сельских православных общин, рассматривая землю как элемент исторически сложившейся духовной среды, а не только как экономический ресурс⁷.

Не менее значимой была его работа в комиссиях по делам национальной политики. Здесь владыка Евлогий выступал как представитель православного населения западных окраин, подчеркивая, что государственная политика должна учитывать конфессионально-культурные различия и не допускать насильственного вмешательства в религиозную жизнь народов. Его аргументы не сводились к защите «православного интереса»; напротив, он стремился показать, что подлинное государственное единство возможно лишь при уважении духовной свободы и сохранении традиций местных общин.

В своей автобиографии епископ Евлогий подчеркивал: «Я не считал себя политиком. Я был поставлен не защищать интересы партии, а охранять истину, веру и православный народ от растворения в чуждых формах жизни»⁸.

На заседаниях Думы епископ Евлогий последовательно подчеркивал значение религиозного воспитания и необходимость защиты курса Закона Божия не как формального предмета, а как основы нравственного формирования личности. Его выступления строились вокруг убеждения, что религиозное знание является не факультативным

⁷ См.: Евлогий (Георгиевский), митр. Путь моей жизни: Воспоминания. М., 1994. С. 151.

⁸ Евлогий (Георгиевский), еп. Указ. соч. С. 132.

дополнением к образованию, а его антропологическим центром, позволяющим воспитывать в человеке способность к внутренней ответственности. Он настаивал, что исключение религиозного содержания из школьной программы ведет к разрыву между нравственным сознанием и гражданской обязанностью, а значит — подрывает способность общества к самоорганизации на моральных началах. В этом контексте он поддерживал миссионерские инициативы на западных окраинах империи, рассматривая их не как административную меру, а как форму духовной помощи населению, подвергающемуся культурному и конфессиональному давлению.

Особое внимание владыка Евлогий уделял сохранению православных приходов, которые он трактовал как центры культурной, образовательной и социальной консолидации. В его представлении приход был не только литургическим пространством, но и ключевым звеном традиционной общинной структуры, обеспечивающим устойчивость местного социума. Он считал, что разрушение приходской сети под видом административных реформ фактически ведет к утрате народом своих исторических духовных опор. Поэтому его думские выступления неизменно сочетали богословскую интерпретацию жизни приходской общины с апелляцией к необходимости поддерживать ее как носителя культурной памяти и нравственного опыта.

Аргументация епископа Евлогия строилась не на ссылок на государственные интересы, не на стремлении укрепить административное влияние Церкви, а на глубинной богословской логике: общество, лишенное религиозного основания, неизбежно утрачивает способность к нравственному самоуправлению. Он подчеркивал, что без связи с духовной традицией политические институты превращаются в механизмы власти, утратившие внутренние пределы; напротив, религиозная культура воспитывает в человеке чувство меры, ответственности и любви к ближнему, которые и делают возможным существование справедливого общественного порядка.

Такое понимание роли религии существенно отличалось от официального церковного дискурса того времени, в котором нередко доминировала риторика защиты административных прерогатив, юрисдикционных прав и государственных интересов Православной Церкви. Владыка Евлогий же переопределял сам смысл церковного присутствия в обществе: для него Церковь была не органом власти

и не инструментом национальной политики, а духовной силой, способной наполнять государственные институты нравственным содержанием и обращать их деятельность к совести. Он рассматривал участие в думских дискуссиях как форму свидетельства, а не как средство влияния, подчеркивая, что подлинная миссия Церкви заключается в напоминании власти о ее духовных пределах.

Именно эта линия поведения постепенно сформировала то, что впоследствии было обозначено как феномен церковного парламентаризма. Его сущность заключалась в убеждении епископа Евлогия, что Церковь может присутствовать в органах государственной власти, не вступая в политическую борьбу, не подчиняясь партийной логике и не отождествляя себя ни с одной из сторон. Он создал прецедент присутствия духовного лица в парламенте, основанный не на политическом представительстве, а на нравственном свидетельстве, призванном удерживать государственную власть в рамках ее моральной ответственности.

Светские современники нередко воспринимали такую позицию с недоумением. В прессе появлялись противоположные оценки: одни видели в епископе пример подлинного служения народу, другие — символ недопустимого смешения властей. Наиболее сдержанные и взвешенные публикации появились в «Церковном вестнике», где деятельность архиерея оценивалась как «нравственно мотивированная и богословски осмысленная», хотя и отмечалась «крайняя деликатность» такого участия с точки зрения канонического статуса⁹.

Церковная иерархия, не вырабатывая единого догматически закрепленного решения, фактически признала за епископом Евлогием право индивидуального выбора, обусловленного обстоятельствами его служения и духовной ответственностью за паству Холмского округа. Это отсутствие официального запрета не было проявлением безразличия: напротив, оно отражало сложную внутреннюю динамику церковного сознания, которое в ситуации стремительной политической трансформации не располагало готовыми каноническими схемами для оценки нового явления. Внутри епископата сочетались опасения перед возможным смешением сфер и осознание необходимости

⁹ См.: Деятельность духовных лиц в Думе // Церковный вестник. 1908. № 5. С. 76–77.

искать новые формы свидетельства в эпоху, когда государственная власть сама обратилась к Церкви как к моральному авторитету.

Молчаливое согласие Святейшего Синода, выразившееся в отсутствии дисциплинарных мер и в предоставлении епископу Евлогию полной свободы в определении характера своего участия, означало признание того, что включение духовного лица в парламент может рассматриваться как исключительная, но допустимая форма служения. Синод тем самым фактически сформировал прецедент: духовное лицо вправе участвовать в светском институте при условии, что его деятельность не разрушает внутреннюю дисциплину церковной жизни, не подрывает духовный авторитет архипастыря и не приводит к отождествлению Церкви с какой-либо политической силой.

Такое решение отражало глубинное напряжение между строгими нормами монашеской традиции, ориентированной на отчуждение от мирской деятельности, и соборным чувством ответственности за православный народ, оказавшийся в условиях активной политизации общественной сферы. Церковь не могла игнорировать появление представительных институтов, меняющих структуру власти, но и не стремилась к формальному включению в них. Поэтому «молчаливое согласие» стало своеобразным богословским компромиссом, допуская возможность участия архиерея в парламенте как проявления пастырского долга, а не политической карьеры.

В результате участие епископа Евлогия приобрело характер индивидуально взятой духовной миссии, осуществляемой с благословленным, но ненормативным статусом. Именно эта неопределённость позволила позже рассматривать его опыт как начало формирования феномена церковного парламентаризма — модели, при которой присутствие духовенства в публичной сфере допускается не как институциональная норма, а как проявление особой ситуации, требующей от пастыря свидетельства в пространстве, ранее принадлежавшем исключительно светской власти. Тем самым на практике был создан богословский прецедент: впервые пастырская миссия получала институциональное выражение внутри государственной структуры¹⁰.

Особое значение в думской деятельности епископа Евлогия имела его позиция по вопросам национальной и конфессиональной

¹⁰ См.: Бакулин Б.С. Православно-богословский терминологический словарь. М., 2024. С. 255.

политики, поскольку именно в этой области наиболее явно проявлялась специфика его богословского подхода к государственным вопросам. Он понимал, что на западных окраинах империи религиозные и этнокультурные процессы переплетены столь тесно, что любое административное решение неизбежно воздействует на духовную жизнь населения. Поэтому его собственное участие в обсуждении подобных вопросов выходило за рамки обычного парламентского анализа: для него это была возможность дать нравственную оценку тем механизмам, через которые государство воздействует на структуру межнациональных и межконфессиональных отношений.

В отличие от представителей правых партий, которые широко использовали религиозную риторику для оправдания имперской централизации и трактовали православие как инструмент государственного господства, епископ Евлогий придавал религиозному фактору иной смысл. Он стремился к защите православных интересов без насилия над национальным многообразием и считал недопустимым, чтобы вера превращалась в аргумент политического давления. Его позиция заключалась в том, что истинная защита православных общин невозможна без уважения к культурной самобытности соседствующих народов. В своих выступлениях он подчеркивал, что вера не может служить прикрытием для подавления иной традиции, а попытки придать православии роль «государственной идеологии» нарушают сам дух христианского свидетельства.

Он рассматривал имперскую идею через призму соборности, понимая под ней не административное единство, а духовное соучастие различных этнических и религиозных общин в общем историческом пространстве. Соборность, в его интерпретации, предполагала способность государства слышать голос народов, входящих в его состав, и уважать их духовные основания. Взаимодействие конфессий и этносов он видел не как поле борьбы за влияние, а как возможность формирования общего нравственного пространства, где каждая традиция вносит свой вклад в устойчивость общественной жизни.

Именно в этом выражалась его богословская интерпретация понятия «симфонии» — концепции, имеющей глубокие корни в византийской политической теологии. Для владыки Евлогия «симфония» означала не союз власти и Церкви ради укрепления государственного аппарата, а гармонию двух служений — духовного и светского, —

каждое из которых знает пределы своей компетенции. Власть, по его мысли, призвана поддерживать порядок и обеспечивать условия для духовной жизни народа, а Церковь — напоминать власти о ее нравственных границах, не претендуя на ее функции и не растворяясь в политическом процессе.

Такое понимание делало позицию Евлогия уникальной в думском пространстве: он предлагал модель, в которой единство государства строится не на насильственной унификации, а на уважении к духовной свободе народов. Причем свобода эта, по его убеждению, не является угрозой для целостности империи, а напротив — служит ее основанием, поскольку только признание внутренней автономии различных общин превращает имперское пространство из административной конструкции в подлинное сообщество. Таким образом, его участие в обсуждении национально-конфессиональных вопросов становилось примером того, как богословские принципы могут трансформировать содержание государственной политики, сохраняя внутреннее равновесие между миссией Церкви и задачами гражданской власти.

Эта позиция особенно ярко проявилась в дискуссиях о Холмском проекте. Для епископа Евлогия вопрос о выделении Холмской губернии был не административным, а духовным: речь шла о защите православного населения, для которого государственная структура являлась гарантом сохранения веры. Его выступления носили подчеркнuto пастырский характер — он говорил о долге Церкви поддержать тех, кто подвергается религиозному давлению, и при этом избегал националистической риторики¹¹. Такой подход вызывал раздражение польских депутатов, видевших в его позиции проявление русификации, однако для самого епископа Евлогия этот спор имел иной смысл — подтверждение того, что духовное свидетельство не должно зависеть от политических выгод.

Богословский смысл думской деятельности епископа Евлогия раскрывается через его постоянное стремление соотносить требования светского закона с евангельским принципом ответственности, который, по его убеждению, должен лежать в основании любого управления. Для него парламент не был политической ареной в узком

¹¹ См.: Четвертков А.М. Первый конституционный эксперимент в Российской империи (Царство Польское 1815–1830 гг.) // Олег Иванович Чистяков: человек и ученый. Сб. науч. публ. к 100-летию со дня рождения. М., 2025. С. 98.

смысле, где сталкиваются корпоративные интересы и формируются компромиссы; он видел в нем пространство, в котором возможен разговор о нравственных предпосылках власти, о тех духовных критериях, без которых государство теряет внутреннюю целостность. Владыка Евлогий исходил из того, что закон не обладает автономной ценностью: его справедливость определяется тем, насколько он помогает человеку сохранять образ Божий, то есть способность к свободе, ответственности и любви.

Эта богословская перспектива формировала уникальную риторику его выступлений и позволяла ему занимать позицию, существенно отличавшуюся как от светской политической аргументации, так и от административно-охранительного церковного дискурса того времени. Он не противопоставлял евангельский принцип государственному порядку, но утверждал, что подлинная государственная власть может существовать только тогда, когда признает нравственный закон, превосходящий человеческие интересы. Поэтому каждый вопрос, обсуждавшийся в Думе — будь то образование, миссионерская деятельность, земельные конфликты или национальная политика, — он стремился вписать в более широкий контекст: что происходит с человеком и обществом, когда исчезает духовная мера?

Именно эту мысль епископ Евлогий выразил в одном из своих наиболее значимых выступлений, подчеркивая, что «власть есть служение». Для него эта формула не была метафорой; она задавала рамки для всей его публичной активности. Он трактовал власть как разновидность диаконии — служения, предполагающего добровольное принятие ответственности за тех, кто входит в сферу твоего попечения. Законодатель должен действовать не из расчета политической выгоды, а из стремления содействовать общему благу, понимаемому в христианской традиции как согласие между личной свободой, нравственным порядком и заботой о слабых.

Такое понимание служения противостояло господствующему в парламентской практике представлению о власти как о сфере рационального управления или политического соревнования. В контексте думской культуры, где эмоциональная полемика и борьба за партийное влияние нередко заслоняли смысл обсуждаемых вопросов, голос епископа Евлогия звучал как напоминание о том, что власть не может быть самодовлеющей. Его нравственная позиция задавала иной ори-

зонт политического мышления и превращала его выступления в формы пастырского свидетельства, адресованного не только депутатам, но и самому институту государственной власти. Он переносил богословское понятие диаконии — служения — в сферу политической практики, утверждая, что законодательная деятельность может быть формой служения, если ее цель — благо человека, а не торжество власти¹².

В итоге участие епископа Евлогия в Государственной Думе обрело значение, далеко превосходящее рамки конкретного исторического эпизода и не сводимое к фактам его думской активности. Для современников оно стало своеобразным вызовом привычным представлениям о границах церковного служения, а для последующей богословской традиции — источником нового осмысления роли Церкви в публичной сфере. Его присутствие в парламенте стало не просто редким исключением, но событием, обозначившим возможность переопределения взаимодействия духовной и светской власти в позднеимперской России.

Епископ Евлогий стал воплощением новой модели церковного присутствия в государстве, основанной на двух ключевых принципах: внутренней дисциплине и духовной автономии. Первая предполагала, что архипастырь, вступая в пространство светской политики, сохраняет верность монашескому и епископскому призванию, отказываясь от любых форм партийной ангажированности. Вторая выражалась в его стремлении говорить от лица Церкви не как политической корпорации, а как носителя нравственного опыта. Он не пытался перенести в парламент административный авторитет Церкви, но, напротив, настаивал на ее способности формировать духовный горизонт для обсуждения государственных решений. Такая позиция позволяла ему выступать посредником между религиозной традицией и структурой государственной власти, сохраняя при этом богословскую целостность своего служения.

Его пример показал, что Церковь может говорить языком политики, не утрачивая собственной богословской глубины и не подчиняясь логике политического соперничества. Владыка Евлогий продемонстрировал, что участие в парламенте может быть формой

¹² См.: Черемухин В. Кирилловцы vs Николаевцы: Борьба за власть под знаком «Национального единства». М., 2018. С. 90.

свидетельства, а не борьбы за власть, и что внутренний духовный опыт способен преобразовать природу публичного высказывания. Его выступления становились примером того, как нравственные категории — долг, ответственность, соборность, служение — могут приобретать политическое значение, не превращаясь при этом в идеологические лозунги.

Одновременно его модель показала, что нравственная аргументация способна обладать в публичной сфере не меньшей силой, чем административные или правовые конструкции. Она не только задавала новый стиль думской риторики, но и открывала возможность для диалога, в котором моральные критерии становятся равноправными с рациональными и юридическими. Это была попытка вернуть политике потерянное измерение этики — и именно в этом, как отмечали позднейшие исследователи, выразилась новизна потока церковного парламентаризма, которым стал епископ Евлогий.

Для российской традиции этот опыт имел долгосрочные последствия. В эмигрантской публицистике 1920–1930-х годов фигура владыки Евлогия воспринималась как символ соединения христианского долга и гражданской ответственности. Его концепция пастырского свидетельства была переосмыслена в трудах богословов русского зарубежья как пример возможного участия Церкви в демократических институтах без утраты духовного содержания.

Таким образом, опыт парламентской деятельности епископа Евлогия (Георгиевского) явился событием, которое позволило по-новому осмыслить пределы присутствия Церкви в государственном пространстве. Феномен церковного парламентаризма, проявившийся в его деятельности, показал, что участие духовенства в органах власти не сводится к политическому представительству. Епископ Евлогий не пытался превратить церковное слово в инструмент влияния; напротив, он использовал публичную трибуну как место богословского свидетельства, где евангельская этика могла быть переведена в язык общественного обсуждения. Эта установка отражала внутреннюю целостность его мировоззрения. Аскетическая дисциплина, пастырский опыт и убеждение в соборной миссии Церкви соединялись у владыки Евлогия в единую систему, где духовная жизнь не противостояла общественной, а включала ее в сферу нравственной заботы. Он рассматривал законодательную деятельность как одну из возможных форм

христианского служения, подчиненного принципу ответственности перед Богом и людьми. Значение этого опыта выходит за рамки биографии одного иерарха. В дальнейшем именно эта возможность станет предметом споров в богословской и философской мысли XX века, когда вопрос о соотношении духовной автономии и политической ответственности вновь станет актуальным.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Антонин (Грановский), архим. Пастырь и парламент: к вопросу о допустимости участия духовенства в политике // Церковный вестник. 1906. № 7. С. 115–117.
2. Бакулин Б.С. Православно-богословский терминологический словарь. М.: Директ-Медиа, 2024. 492 с.
3. Деятельность духовных лиц в Думе // Церковный вестник. 1908. № 5. С. 76–77.
4. Евлогий (Георгиевский), еп. Путь моей жизни. М.: Московский Рабочий; ВПМД, 1994. 619 с.
5. Кашлюк В. Жизнь и богословское наследие епископа Михаила (Грибановского). Симферополь: Ариал, 2020. 120 с.
6. Манифест об усовершенствовании государственного порядка от 17 октября 1905 г. // Полное собрание законов Российской империи. Т. XXV. № 26803. СПб.: Типография II Отделения Собственной Е. И. В. канцелярии, 1906. С. 210–211.
7. Сергей (Страгородский), архиеп. Слово и дело. Из духовного наследия. М.: Паломник, 1997. 256 с.
8. Тимиряев Д.О. Политическая борьба в Российской империи на страницах отечественной консервативной и либеральной публицистики в конце XIX — начале XX вв. Польский вопрос. М.: КноРус, 2019. 128 с.
9. Черемухин В. Кириловцы vs Николаевцы: Борьба за власть под знаком «Национального единства». М.: Буки Веди, 2018. 256 с.
10. Четвертков А.М. Первый конституционный эксперимент в Российской империи (Царство Польское 1815–1830 гг.) // Олег Иванович Чистяков: человек и ученый. Сб. науч. публ. к 100-летию со дня рождения. М.: Блок-Принт, 2025. С. 93–123.

*Статья поступила в редакцию 19.11.2025,
одобрена после рецензирования 16.01.2026,
принята к публикации 09.02.2026.*

Article

UDC [271.2+322](470+571)(09)+929

For citation:

Burlyayev I. Fenomen tserkovnogo parlamentarizma v pozdneimperskoj Rossii: bogoslovskiye osnovaniya i politicheskaya praktika yepiskopa Yevlogiya (Georgiyevskogo) [The phenomenon of ecclesiastical parliamentarism in late Imperial Russia: theological foundations and political practice of Bishop Eulogius (Georgievsky)] // Trudy Saratovskoj pravoslavnoj duhovnoj seminarii [Proceedings of the Saratov Orthodox Theological Seminary]. 2026. No. 1(32). pp. 198–215.
DOI: 10.56621/27825884_2026_32_198

Ilya Burlyayev,

Postgraduate Student,
Sretensky Theological Academy,
19, Bolshaya Lubyanka str., bl. 3,
Moscow, 107031, Russian Federation
inburlyayev@mail.ru
ORCID: 0009-0007-1927-3964

The Phenomenon of Ecclesiastical Parliamentarism in Late Imperial Russia: Theological Foundations and Political Practice of Bishop Eulogius (Georgievsky)

I. BURLYAEV

Abstract: The article examines the phenomenon of ecclesiastical parliamentarism in late imperial Russia through the example of Bishop Eulogius (Georgievsky) and his participation in the Third State Duma. It explores the theological premises of his involvement in parliamentary activity and explicates the concept of “pastoral testimony” as a specific form of the Church’s presence within secular institutions. Eulogius interpreted legislative work as a continuation of his pastoral mission aimed at affirming moral order in public governance. The analysis of his speeches and political conduct reveals a model of interaction between spiritual and civic service grounded in the principle of conciliar responsibility. The study concludes that ecclesiastical parliamentarism represents a theologically motivated mode of the Church’s participation in the public sphere without compromising its spiritual autonomy.

Keywords: Bishop Eulogius (Georgievsky), ecclesiastical parliamentarism, State Duma, pastoral testimony, historical theology, Orthodoxy.

REFERENCES

1. Bakulin B.S. (2024) "Pravoslavno-bogoslovskiy terminologicheskij slovar'" [Orthodox Theological Terminological Dictionary]. Moscow. (In Russian).

2. Cheremukhin V. (2018) "Kirilovtsy vs Nikolaevtsy: Bor'ba za vlast' pod znakom «Natsional'nogo yedinstva»" [Kirilovtsy vs Nikolaevtsy: The Struggle for Power under the Banner of "National Unity"]. Moscow. (In Russian).
3. Chetvertkov A.M. (2025) "Pervyy konstitutsionnyy eksperiment v Rossiyskoy imperii (Tsarstvo Pol'skoye 1815–1830 gg.)" [The First Constitutional Experiment in the Russian Empire (The Kingdom of Poland 1815–1830)]. In: "Oleg Ivanovich Chistyakov: Chelovek i ucheny. Sb. nauch. publ. k 100-letiyu so dnya rozhdeniya" [Oleg Ivanovich Chistyakov: Man and Scholar. Collected Scientific Papers for the 100th Anniversary of His Birth]. Moscow. pp. 93–123. (In Russian).
4. Georgievskiy E. (1947) "Put' moey zhizni" [The Way of My Life]. Paris. (In Russian).
5. Kashlyuk V. (2020) "Zhizn' i bogoslovskoye naslediyе episkopa Mikhaila (Gribanovskogo)" [The Life and Theological Legacy of Bishop Mikhail (Gribanovsky)]. Simferopol. (In Russian).
6. Stragorodskiy S. (1997) "Slovo i delo: Iz dukhovnogo naslediya" [Word and Deed: From the Spiritual Heritage]. Moscow. (In Russian).
7. Timiryayev D.O. (2019) "Politicheskaya bor'ba v Rossiyskoy imperii na stranitsakh otechestvennoy konservativnoy i liberal'noy publitsistiki v kontse XIX – nachale XX vv. Pol'skiy vopros" [Political Struggle in the Russian Empire in Conservative and Liberal Journalism at the End of the 19th – Beginning of the 20th Centuries. The Polish Question]. Moscow. (In Russian).

*The article was submitted 19.11.2025,
approved after reviewing 16.01.2026,
accepted for publication 09.02.2026.*